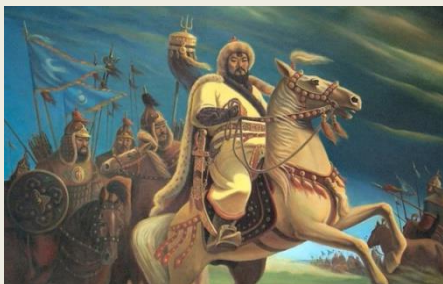

IV. Монгольское иго.

Чингисхан. В обширных степях Средней Азии издавна кочевали татары и монголы. Они разделялись на многие мелкие орды, управляемые отдельными князьями или ханами. Но во второй половине XII века у монголов явился необыкновенно отважный и предприимчивый вождь Темучин, который соединил, их в один народ и начал производить завоевания.

Он был сын предводителя одной монгольской орды, кочевавшей при истоках реки Амура. Оставшись после смерти отца 13-летним мальчиком, он до 40 лет своей жизни испытывал одни неудачи и несчастья. Орда отцовская не хотела ему повиноваться и присоединилась к другой орде. Долго без успеха силился он приобрести над нею наследственную власть, несколько раз попадался в руки врагов и только случайно спасался от неминуемой смерти. Несчастья и опасности закалили Тему чина и сделали его чрезвычайно отважным. После 20-летних неудач, он, наконец, начал одолевать своих врагов, и самых злейших из них, захватив, в плен, приказал живыми сварить в 80 котлах. Эта ужасная казнь устрасила остальных его врагов. Тогда не только отцовская орда, но и другая соседняя признали над собой его власть, а вскоре он соединил под своею властью всех монголов. В это время к Темучину явился какой-то старец, который предсказал ему, что он покорит весь свет и потому должен называться Чингисханом, т. е. великими ханом. И действительно, Чингисхан пошёл покорять соседей. Счастье всюду сопутствовало ему. Все, почти государства средней Азии должны были признать над собой господство страшного завоевателя.

Битва на Калке. В 1224 г. один отряд Чингисхана вторгся в Европу, и напал на половцев. Не имея сил отразить грозных татар, половецкие ханы прислали просить помощи у южных русских князей. Послы им говорили: «Сегодня татары взяли нашу землю, а завтра возьмут и вашу, если не поможете нам». В это время замечательным князем в южной Руси был Мстислав Галек. Он был сын Мстислава Храброго и, подобно отцу, отличался мужеством и удалью, за что и получил прозвище Удалого. Кроме того, он был женат на дочери одного из ханов половецких. Поэтому, частью по родственным чувствам, а честно, чтобы показать свою удаль и приобрести новую славу, Мстислав Удалой согласился идти на татар и склонил к этому некоторых других князей. Татары, узнав о походе русских, прислали к ним послов с мирной речью. «Мы пришли, говорили они, на холопов своих и конюхов—половцев, а русских городов не трогаем». В ответ на это князья, не доверяя словам татар, приказали умертвить послов их и продолжали идти. Победа над передовыми полками татар поселила в них бодрость. Они переправились через Днепр и углубились в степи. На берегах р. Калки, близ Азовского моря, они встретились с главными силами татар. К несчастью между русскими князьями не было единодушия. Мстислав Удалой, желая, один приобрести славу победы, ударил по татар одну только своею дружиною и с половцами, не сказав ничего другим князьям. Но, несмотря на отчаянную храбрость, он был разбит и бежал.

Другие князья стояли в это время на возвышенном месте. Узнав о поражении Мстислава, они поспешили укрепиться здесь и три дня отбивались от татар, но, наконец, начали изнемогать.

Между тем, татары предложили им свободный пропуск, если, только они сдадутся. Князья согласились, но едва только выступили из своих укреплений, как на них сделано было нападение. Немногим удалось спастись бегством; большая же часть была истреблена или захвачена в плен. Пленных князей татары связали, положили под доски и на этих досках сели праздновать свою победу. Конечно, несчастные князья были раздавлены там. Вскоре, однако, после Калкской победы, татары удалились в азиатские степи.

Нашествие Батые, 1237 — 1240. Прошло лет тринадцать. О татарах не было никаких известий. На Руси уже начали забывать о них, и князья по-прежнему продолжали свои споры и усобицы. Но вот снова разнеслась молва о появлении страшного врага. На этот раз монголы шли с целью покорить Русь. Чингисхана в это время уже не было в живых. Но он завещал своему преемнику продолжать завоевания. Тогда многочисленная татарская орда, тысяч в триста, во главе; которой находился хан Батый, двинулась снова в Европу со своими семействами, стадами и со всем имуществом. В 1237 г. Батый подступил к границам Рязанского княжества и потребовал от рязанских князей десятой части от всего—от скота, от хлеба, от плодов. «Когда никого из нас не будет в живых, тогда все будет ваше», отвечали храбрые князья. После такого ответа татары пошли на Рязань. К несчастью, русские князья и на этот раз не соединились, чтобы общими силами отразить страшных завоевателей. Великим князем Владимирским в то время был Юрий II Всеволодович, племянник Андрея Боголюбского. Он, надеялся, один управиться с татарами, отказался помочь рязанским князьям. Тогда рязанцы вышли одни против врагов; бой был жестокий, но на каждого рязанца приходилось по сотне татар. Батый одолел и избил всех рязанцев. Вслед затем была взята приступом и сама Рязань. Татары предали её разграблению и пламени, а жителей всех почти перебили, так что некому было стонать и плакать. В предании, сохранилась память об одном рязанском герое, Евпатии Коловрате. В то время, как татары громили Рязань, он был в Чернигове. Прибежав оттуда и, увидев одни груды развалин и трупов, он закипел мезтью. С небольшой дружиною, набранною из оставшихся в живых рязанцев, он пустился вслед за татарами, нагнал их и начал рубить и колоть с тыла. Батый думал, не мёртвые ли Рязанцы воскресли. «Что вы за люди?» спрашивал он у них. «Мы христиане из Рязани», отвечали они: хотим тебя, великого царя, с честью проводить». Едва ли не все свои силы должны были употребить в дело татары, чтобы одолеть Евпатия и его небольшую, но храбрую дружину. Татарский богатырь, вышедший на Евпатия, был рассечён им на части. Батый немало дивился храбрости этого отряда и с честью отпустил оставшихся в живых, отдавши им тело убитого Евпатия.

Подвигаясь далее, татары сожгли Москву, тогда ещё маленький городок, и много других городов. Наконец, они подступили к Владимиру. Великого князя не было в городе. Он удалился к северу собирать войска. Батый велел громить стены толстыми брёвнами. Владимирцы скоро увидели, что им города, не отстоять, и начали готовиться к смерти; все исповедались и причастились, а князья, по тогдашнему обычаю, постриглись в монахи. Город действительно скоро был взят, и подвергся той же участи, как и все другие города. При этом семейство великого князя вместе с епископом и боярами сгорело в церкви. После этого татары рассеялись по суздальской земле и в один месяц опустошили 13 городов: Ростов, Ярославль, Переяславль и другие.

Между тем Юрий Всеволодович стоял на берегах р. Сити. Татары окружили его здесь и, не дав времени приготовиться к битве, сделали, нападение (1288 г.). Сеча была жестокая, но недолго продолжалась. Русские не выдержали напора громадной толпы татар и побежали; сам великий, князь погиб в злой сече: ему отрублена была голова, так что с трудом потом могли отыскать труп его для погребения.

Отсюда Батый направился ещё далее к северу. Ему хотелось дойти до Новгорода, чтобы овладеть богатствами его, но, не доходя вёрст ста, он вдруг повернул назад. Причиной этому было наступление весны и опасение потонуть в непроходимых здешних болотах. На возвратном пути в юго-восточные степи татары - неожиданно были задержаны под Козельском. Здесь княжил малолетний князь, но жители собрались на вече и порешили лучше всем погибнуть, нежели сдаться нехристям - татарам. Семь недель бились храбрые козельцы с татарами на стенах, резались в поле и все пали. Князь их также погиб, и пошла молва, будто он потонул в крови. Батый назвал Козельск злым городом.

В следующем 1239 году толпы татар снова появились в русской земле. Весть об этом навела такой страх, что жители сел и городов бежали, сами не зная куда; многие с отчаяния бросались в воду или сами себя закалывали, чтобы только не попасться в руки свирепых варваров, которые находили какое-то наслаждение в мучении и истреблении несчастных пленников. Они распинали их на крестах, расстреливали, мучили и терзали самым бесчеловечным образом; оставшихся в живых связывали за волосы и гнали за собою нагайками, как скот. Татары не щадили и младенцев. Они разбивали их о камни, сажали на колья и подбрасывали, потешаясь их криками и стонами.

На этот раз Батый отправился громить южную Русь. Взяв и опустошив Переяславль, Чернигов и другие южные города, татары подступили к Киеву. Город этот поразил их своею красотою. Раскинувшись на высоком берегу Днепра, он величественно красовался золочёными главами своих церквей, башнями и белыми каменными стенами. Батый хотел без боя овладеть таким красивым городом и с этой целью отправил к киевлянам послов, но киевляне умертвили их. Тогда хан обступил город со всею своею ордою. Татар было так много, что от говора людей, скрипа телег, рёва верблюдов, ржания коней, мычания стад, киевлянам нельзя было слышать друг друга в городе. Батый приказал бить стены брёвнами днём и ночью. Граждане защищались отчаянно, но велика была сила татарская. В Николин день, 6-го декабря 1240 г., татары завладели Киевом. Мало кто из киевлян спасся, да и самого города почти, что не стало. С той поры Киев запустел и долго не мог оправиться.

От Киева Батый пошёл далее к западу, в Волынь и Галицию, и здесь также пожёг и опустошил все, что лежало на пути. Наконец, татары перешли за рубеж русской земли. Весть об этом распространилась уже в Европе. Страх увеличивался ещё рассказами о дикости и свирепости варваров и баснословною молвой об их происхождении и громадном числе. Рассказывали, будто они прямо вышли из ада и потому наружностью своею не похожи на людей, что войско их занимает пространство на 20 дней пути в длину и 15 дней в ширину. Но западная Европа отделалась одним страхом. Несколько иноземных государей соединились и загородили дорогу татарам. Потерпев неудачу в битве с ними, Батый повернул назад. В то же время он получил, известие о смерти великого хана и пошёл к востоку, чтобы принять участие в избрании нового хана. После того он более уже не ходил в западную Европу. Россия же, как страна покорённая, должна была признать над собою господство монголов.

После нашествия татарского Русь представляла самое ужасное зрелище. Города и селения большею частью находились в развалинах, от смрада гниющих трупов нельзя было проезжать; поля тянулись на многие сотни вёрст, вытопанные и выжженные; не слышно было на них голоса

земледельцев; люди, уцелевшие от стрел и от плена татарского, в страхе разбежались по лесам; только птицы небесные летали целыми стаями и звери лесные спокойно рыскали всюду, лакомясь добычей. Оставшиеся в живых князья понемногу начали возвращаться в свои владения, стали собирать народ, хоронить мёртвых и очищать города от развалин, но один, вид всего этого нагонял на всех уныние и тоску, тем более, что впереди не предвиделось пока ничего хорошего. Татары поселились в южных наших степях и раскинули свои вежи или шалаши на целые сотни вёрст. В низовьях р. Волги, вёрстах в 50 от Каспийского моря, Батый построил себе великолепный шатёр, вокруг которого разместились приближенные его мурзы или князья. Становище это называлось Сараем, отчего и вся орда татарская стала называться Саранскою. Она называлась так же Золотою Ордою. Отсюда-то татары и стали господствовать над русскою землею.

В 1243 г. Батый потребовал к себе в орду русских князей. Здесь они должны были испытывать разные унижения и исполнять разные языческие обряды, например, кланяться идолам; перед входом в палатку хана проходить между двух огней, для очищения от дурных пожеланий ему; перед самим ханом становиться на колени. Первый из князей явился в орду Ярослав Всеволодович, брат Юрия, погибшего на берегах р. Сити. Он беспрекословно исполнил все, что потребовали от него татары. Батыю понравилось это, и он признал его великим князем Владимирским. Один же из князей, Михаил Черниговский, ни за что не хотел пройти сквозь огонь и поклониться татарским идолам. «Царю поклонюсь, сказал он, потому что ему Бог дал власть над нами, но творить языческие обряды и поносить имени христианина не хочу». Сколько ни убеждали его татары, грозя ханским гневом, он стоял на своём и твердил: «Хочу за Христа пострадать и за веру православную кровь пролить!» Тогда раздражённый Батый приказал лишить его жизни. Татары били и мучили князя и наконец, отсеки ему голову. Вместе с Михаилом Черниговским пострадал и боярин его Фёдор за то, что не хотели также исполнить требования татар. Вообще в орде много погибло русских князей. Малейший гнев хана стоил им жизни. Поэтому, чтобы не раздражать хана, большая часть князей, по первому требованию его, являлись в орду, кланялись там, заискивали, одаривали ханских жён и вельмож. Здесь они утверждались и в своих наследственных волостях, получая на это от хана ярлыки или грамоты. В первое время татарского господства - князья должны были также ездить на поклонение к великому хану в азиатские степи. Ярослав Всеволодович во время такой поездки и умер на дороге.

Но кроме этого, князья и народ должны были платить тяжкую дань татарам. Ханы посылали в Россию своих чиновников, или баскаков, которые переписывали весь народ и назначали подати и налоги по своему произволу. Они брали и деньги, и людей, и все, что было поценнее. Так однажды, баскаки забрали по одному сыну у каждого отца семейства, имевшего трёх сыновей, захватили всех здоровых мужчин неженатых, женщин, не имевших мужей, также всех нищих; разумеется, всех их татары сделали у себя рабами; их же, которые остались на Руси, баскаки переписали и обложили тяжкою данью; каждый должен был заплатить по меху медвежьему, бобровому и собольему, хорьковому и лисьему; кто не мог того, также отводили к себе в рабство; только одни духовные лица были освобождены от дани. В первое время рабства сбор дани иногда отдавался на откуп купцам хивинским и бухарским. Татары ввели ещё особый бесчеловечный способ вымогать дань. Это так, называемый правож. Несчастливого бедняка, не имевшего, чем заплатить дань, выводили на площадь и по несколько часов в день били прутьями по ногам до тех пор, пока он не добудет требуемой дани, или пока кто-нибудь из жалости не заплатит за него. Как ни забит был русский народ в это время, как ни запуган, однако иногда не доставало у него терпения, и он восставал против своих грабителей и притеснителей, и прогонял их от себя, а некоторых, самых

ненавистных, и убивали. Но тогда обыкновенно постигала его ещё горшая участь; появлялись татарские войска, избивали непокорных, а имущества и дома их разграбляли и истребляли до тла. К счастью, татары не вмешивались во внутренние дела русского народа. Как народ полукочевой, привыкший жить в степях со своими огромными стадами скота, они довольствовались только покорностью и данью; управляли же народом по-прежнему свои русские князья. Поэтому народные наши обычаи, вера и язык сохранились в целости, а это дало возможность русскому народу впоследствии соединиться, составить одно государство и свергнуть с себя ненавистное иго монгольское.

Святой Александр Невский.
победитель шведов на берегах р. Невы.

Ещё татары не успели оставить залитых кровью русских полей и разрушенных городов, как на Русь устремились другие враги с севера и запада. То были шведы, немцы и Литва. К счастью в это тяжёлое для Руси время из числа князей её явился герой, который защитил своё отечество от злых врагов и не дал ему погибнуть до конца. То был Александр Ярославич Невский, сын Ярослава Всеволодовича.

В то время, как татары громили Русь, Александр княжил в Новгороде. Батый не дошёл до Новгорода. Но едва миновала эта опасность, как в новгородские владения вторглись шведы. Король шведский, пользуясь несчастьем Руси, задумал овладеть Новгородскою землёю и отправил сюда зятя своего Биргера с большим войском. К этому побуждал шведов также папа римский, который надеялся обратить русских в латинскую веру. В 1240 г. Биргер посадил своё войско на корабли и поплыл к устьям Невы, где теперь стоит Петербург. Он так был уверен в победе, что, дойдя до того места, где в Неву впадает р. Ижора, послал в Новгород сказать князю: «Если можешь противиться мне, то я уже здесь и покоряю твою землю». Александру Ярославичу в это время было лет двадцать.

Он был отважен и предприимчив; сердце его пылало мужеством. Не дожидаясь ни откуда помощи, не успевши даже собрать всех сил новгородских, он с небольшим войском выступил против шведов.

«Нас немного, а враг силен, говорил он дружине; своей, но Бог не в силе, а в правде». Один случай ещё более укрепил его в надежде победить врагов. Когда русские пришли на берега Невы, к князю явился начальник сторожевого отряда при море Пелгусий, и рассказал о видении, бывшем ему

здесь. «Простояв на страже, спокойно целую ночь, говорил он, я к утру, на восходе солнечном, вдруг услышал шум, как бы от плывущей лодки; я думал, что это шведы, и пошёл поближе к берегу посмотреть, но увидел, что в лодке стоят братья-мученики Борис и Глеб багряницах, как их рисуют на образах. Святой Борис, обратившись к брату, сказал: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику нашему Александру Ярославичу». Считая это, добрым предзнаменованием, Александр недолго медлил. В день св. равноапостольного князя Владимира, 15-го июля, рано утром, он неожиданно ударил на стан неприятельский. Завязалась упорная и кровопролитная битва. Новгородцы дружно рубили шведов мечами и топорами. Сам князь врезался в ряды врагов, напал на Биргера и собственным копьём ранил его в лицо. Бой длился до ночи. Шведов полегло так много, что оставшиеся в живых ночью поспешно сели на корабли и уплыли. Долго после того в народе ходили разные рассказы, про подвиги новгородцев в этой битве. Долго она поминалась и в церквах новгородских во время службы, а Александр за эту победу получил прозвание Невского. Но вскоре после этого Александр должен был идти в поход с новгородцами против другого врага земли русской, против немцев. В Прибалтийском крае, где находились губернии—Эстляндская, Лифляндская и Курляндская, с незапамятных времён жили мелкие народы финского и литовского племени: чудь, эсты, ливы и куры. Русские князья издавна хаживали туда за данью и строили там города. Так Владимир Святой брал дань с жителей этого края, а Ярослав Мудрый построил там город Юрьев. Страна эта понемногу сделалась бы русскою. Но незадолго до нашествия татар туда проникли немцы. Они начали обращать тамошних жителей, ещё язычников, в христианскую веру и подчинять себе. Для большего успеха они построили здесь на реке. Двине город Ригу и учредили военно-духовное общество или орден Ливонский. В короткое время немцы завладели всем этим краем и начали беспокоить Русь. Когда князья наши бились с татарами на Калке, они взяли уже Юрьев, а во время Батыева погрома завладели даже старинным нашим городом Псковом. Пользуясь, несчастьем Руси, ливонские немцы сделались до того смелы, что подошли к самому Новгороду, так что в 30 вёрстах от города не было от них проезда купцам. Это было как раз после Невской битвы. Но Александра уже не было в Новгороде. Он не ужился с буйными новгородцами и ушёл от них в Суздальскую землю. Стеснённые немцами, новгородцы отправили теперь к нему своего владыку и бояр с просьбою прийти к ним опять. Александр явился, и сразу же пошёл против немцев. Он прогнал их из Новгородской области, отнял у них Псков и даже вторгся в собственные их владения. Тогда немцы собрали все свои силы, и вышли против Александра. На льду Чудского озера враги встретились. Немцы расположили свои войска острым углом, или, как говорится в летописи, свинье, думая таким образом прорезать полки Александровы и разбить их по частям.

Но этот способ, выгодный в битве с врагом малодушным, не имел никакого успеха против мужественных и стойких воинов русских. Он только усилил кровопролитие. Ужасная, сеча эта, известная под названием Ледового побоища (1242 год), продолжалась с утра до вечера.

Наконец, немцы расстроились и побежали; семь вёрст гнались за ними русские, били их беспощадно; много взяли в плен. С торжеством

возвращался Александр после победы в Псков. При этом пленных рыцарей немецких вели пешком возле коней их. Псковичи всем городом вышли навстречу своему избавителю с крестами и иконами. Народ радостно кричал и пел хвалебные песни. И долго после того про Ледовое побоище вспоминали в церквах новгородских и псковских наравне с Невскою битвою.

Третий враг, с которым пришлось Александру Невскому вести упорную борьбу, была Литва. Этот народ жил по р. Неману, имел много сходного со славянами в вере, языке и обычаях, но был небольшой.

Живя же в стране бедной, болотистой, покрытой дремучими лесами, литовцы долго, но входили в сношения с другими народами, поэтому долго были грубы и дики. Они и теперь ещё поклонялись языческим богам, чтили огонь, змей, камни и другие твари, приносили в жертву людей.

Они долго жили также отдельными мелкими племенами, поэтому были слабы и для русских были вообще неопасны. Правда, они с давних пор делали набеги на соседние русские области, но только с тем, чтобы пограбить, при появлении же русских большею частью обращались в бегство и скрывались в глуши своих священных лесов, а иногда, вынуждаемые необходимостью, платили им дань звериными шкурами, лыками и даже вениками. Но теперь, малые племена литовцев, начинают соединяться; князья силятся собрать всю Литву в одно государство. К этому побуждал напор со стороны немцев, которые старались и их подчинить себе. Отражая немцев, воюя между собою, литовцы сделались воинственными и стали нападать на русские земли уже не для одного только грабежа, как было прежде, а с тем, чтобы захватить их. Так вскоре после Ледового побоища они вторглись в новгородскую область и стали забирать здесь города. Александр восемь раз выводил в поле храбрую дружину свою против них, и всякий раз разбивал и отражал их. Он навёл, наконец, на них такой страх, что они стали бояться одного имени его и оставили Новгород в покое.

Слава о подвигах Александра Невского разнеслась не только по всей русской земле, но и по отдалённым странам. Один немец князь нарочно приезжал в Новгород, чтобы посмотреть на него и познакомиться. Александр был высокого роста, силен, статен, красив собою; он имел быстрый и живой взгляд, звучный и приятный голос, светлый и ясный ум. Летописец сравнивает его по красоте с Иосифом Прекрасным по силе с Самсоном, по уму с Соломоном. Немецкий князь, воротившись домой, рассказывал про Александра, что он много исходил стран, много видел народов, но нигде не встречал такого ни в царях царя, ни в князьях князя. Сам Батый, наслышавшись много об Александре, пожелал видеть его и пригласил в Орду. Он не велел принуждать его к выполнению языческих татарских обычаев, ласково принял и почтил дарами. Хан ордынский дивился мужественному виду русского князя и умным речам его и сказал своим приближённым: «Правду мне сказали, что нет подобного ему князя». Папа римский, не могли ничего сделать оружием, задумал лестью склонить в свою веру такого славного редкого князя и прислал к нему двух хитрейших своих послов. Но Александр был твёрд и непоколебим в вере своих предков. Посоветовавшись с высшими духовными лицами, он отвечал послам: «Мы знаем истинное учение церкви, а вашего не принимаем, и знать не хотим». Так и отпустил их ни с чем.

Но, грозный для шведов, немцев и Литвы, Александр Невский, сделавшись великим князем, смирился перед ханом татарским. Он очень хорошо понимал, что только одною покорностью можно спасти Русь от окончательного разорения и дать ей возможность впоследствии собраться с силами и свергнуть с себя ненавистное иго. Можно сказать, что Русь, главным образом, обязана уму и заботам

Александра Невского тем, что не погибла окончательно, как это случалось с другими народами, например, с камскими болгарами, которых покорили татары. Александр неоднократно ездил в орду с богатыми дарами,

посылал туда и других князей; по его распоряжению князья ездили с подарками и к великому хану в Монголию. Татары захотели в это время переписать русский народ, чтобы точнее узнать, сколько им нужно получать дани. Александр не только согласился на народную перепись, но даже помогал ханским баскакам производить её. Так, новгородцы ни за что не хотели-было дать число и едва было не убили татарских чиновников. Хан разгневался и уже готовился двинуть на Русь всю свою орду. Александр убедил новгородцев. Покориться необходимости и таким образом отклонить беду. Но за то он достиг того, что кроме переписи и сбора дани, управлявшее всеми прочими делами осталось в руках природных русских князей. А через это русский народ сохранил в целостности свою веру, свой язык и свои обычаи. Успех в этом важном деле едва ли не должно считать выше всех других подвигов Александра Невского.

Последним подвигом его было также ходатайство за Русь перед ханом. Жители Ростова, Суздаля, Владимира и других городов, выведенные из терпения страшными насилиями и притеснениями откупщиков татарской дани, прогнали их от себя; некоторых же, более ненавистных, умертвили. Конечно, в Орде этого не могли снести и полки татарские уже готовы были вторгнуться в Русь, чтобы снова разгромить её. Александр с опасностью для своей жизни поспешил в Орду. Он почти год прожил там и успел умиловить хана и отвратить беду. Но от душевных тревог и от тяжких трудов здоровье его расстроилось. Возвращаясь из орды, Александр Невских дорогою скончался в 1263 г. Известие о смерти его во Владимире первый получил митрополит во время службы церковной. «Милые мои дети! Сказал он со слезами на глазах, обратившись к народу, солнце земли русской зашло; не стало Александра». Плачь и рыдания народа, прервали речь пастыря. Потом все, как бы в один голос воскликнули: «Мы погибаем, народу казалось, что со смертью Александра некому будет защищать его от врагов. Но он и по смерти своей был ангелом-хранителем земли русской, и церковь причислила его к лику святых. Великие князья и цари русские, в трудных случаях прибегали к его молитвам и одушевлялись его подвигами. Лет через четыреста-пятьсот после смерти Александра, на г берегах Невы, где он совершил первый свой подвиг, заложен был город Петербург теперь первая столица Русского государства. Здесь в честь его основана Александро-Невская лавра. Сюда перенесены были и мощи его, где, покоятся и теперь.

Литовско-Русское княжество. Но Александру Невскому удалось защитить от Литвы только северо-восточную Русь. Юго-западные же русские земли и города: Волынь, Подолия, Киев, Белоруссия, Смоленск и другие, во время монгольского ига постепенно были завоёваны князьями литовскими, и образовали Литовско-русское государство, а потом вместе с Литвою присоединены были к Польше и находились под владычеством поляков до тех пор, пока не окрепла северо-восточная Русь. Вот как это случилось.

Гедимин. Как только немцы утвердились на низовьях рек Вислы и З. Двины, они сильно начали теснить Литву. Чтобы отстоять свою независимость, литовцы должны были вести с ними постоянную и упорную борьбу. Во время этой-то борьбы мелкие литовские племена соединились и составили одно государство. Тогда Литва обратила свои силы на Русь, пользуясь, тем, что ее терзали татары. Но в северо-восточной Руси литовцы постоянно, со времени Александра Невского, получали отпор. Совсем другое дело было на юго-западе Руси. Положение южных русских земель, особенно Приднепровья, после нашествия татар, было самое печальное. Находясь по соседству с татарами,

которые раскинули свои вежи или палатки до самого Днепра, жители этих областей должны были терпеть постоянные насилия и разорения от ханских баскаков и потому большею частью разбежались по другим княжествам. Пользуясь этим, Литва и начала забирать здесь русские города. Особенно много покорил их литовский князь Гедимин (1315—1340). Он подчинил своей власти земли Волынскую и Киевскую. На берегах р. Вили он построил г. Вильну и сделал его столицей своего государства, а сам стал называться великим князем литовским и русским. При нём Литва сделалась уже весьма сильною и потому он считается настоящим основателем Литовского государства. При преемниках его продолжалось завоевание западных русских областей. Таким образом, к Литве присоединены были Белоруссия, Подолье и другие русские земли. Впрочем, русские города подчинялись литовским князьям без большого сопротивления. Причиной этого было, прежде всего, желание освободиться от ига татарского. В самом деле, Гедимин не вступал в явную борьбу с татарами, даже позволял ханским баскакам приходить за дарами, но сам не думал ездить в Орду на поклонение хану и смело отражал татарские отряды, когда они приходили грабить его земли. Так же поступали и его преемники. Кроме того, литовские князья сами не только, не теснили русских, напротив, много заимствовали от них. Литовцы были ниже русских по образованию, поэтому они перенимали от них обычаи, законы, даже язык и веру. Сам Гедимин, хотя был ещё ревностным язычником, но не только не преследовал христиан русских, а ещё покровительствовал им, строил православные храмы, почитал, и уважал православных пастырей, даже позволял сыновьям своим креститься и жениться на русских княжнах. Конечно, вслед за князьями и вельможи литовские делали то же. При сыне Гедимины Ольгерд, который был женат на тверской княжне Юлиании, в самой Вильне, столице Литвы, было уже до 30 православных храмов и монастырей и в них богослужение совершалось на церковно-славянском языке. Русский язык стал употребляться также в высшем обществе; литовском. Одним словом, дело видимо клонилось к тому, что из Литвы должно было выйти новое русское государство, которое, при благоприятных обстоятельствах, могло бы легко само собою слиться с северо-восточною Русью.

Ягайло и Ядвига. Но при внуке Гедимины, Ягайло в Литве совершилось событие, которое дало совсем другой ход её истории. По соседству с Литою и юго-западною Русью находилась Польша. Это было государство, основанное славянским народом — поляками. Но поляки приняли, веру (965) по католическому или латинскому обряду и признали своим духовным главою папу римского. Кроме того вельможи польские или паны приобрели такую силу, что король в Польше почти ничего не значил, а простой народ или крестьяне находились у них в полном рабстве. В XIV в. древний королевский род Пястов в Польше вымер. Наследство перешло по родству к дочери венгерского короля, молодой Ядвиге. Паны стали выискивать ей жениха, но при этом они хлопотали не о том, чтобы счастлива была их королева, а о том, прежде всего, чтобы им при новом короле было хорошо и привольно. Поэтому они и остановились на великом князе литовском, Ягайло. Это был человек недалёкий, но тщеславный. Его прельщала польская корона, и он готов был жениться на прекрасной Ядвиге. Начались переговоры. Паны требовали, чтобы Ягайло, сделавшись королём польским, не трогал их вольностей, принял их латинскую веру и обратил в неё весь свой народ; далее, переселился бы в их столицу, г. Краков, и наконец дал бы обещание соединить свой народ с польским. Литовский князь, нисколько не думая о том, как это будет губительно для его народа, на всё согласился и подписал договор. Но тут встретилось сильное препятствие со стороны самой королевы. Ядвига уже была обручена с одним немецким князем и хотела непременно выйти за него замуж. Кроме того, о литовском князе она слышала много худого. По рассказам он представлялся ей человеком суровым и жестоким — и она ни за

что не соглашалась отдать ему свою руку. Вельможи стали убеждать королеву; между прочим, представляли, что отказ её навлечёт на Польшу бедствие. Сильный литовский князь, говорили они, оскорбившись отказом, будет мстить полякам, нападать и опустошать их земли. Но Ядвига стояла на своём. Тогда приступили к делу высшие духовные лица. Они начали говорить юной королеве, что через этот брак целая страна будет обращена в латинскую веру, что этот подвиг её будет равен подвигам апостолов. Ядвига была очень набожна; речи ксёндзов и монахов подействовали на неё, и она согласилась пожертвовать собою. В 1386 г. Ягайло прибыл в Краков, переменял православную веру на латинскую, обвенчался с Ядвигою и короновался польскою короною. Так совершилось соединение Литвы и юго-западной Руси с Польшей. С тех пор дела в Литве пошли совсем иначе. Уже во время брака Ягайло с Ядвигою заключено было также несколько браков между знатнейшими фамилиями литовскими и польскими. В следующем же году началось обращение литовцев в латинскую веру. Ягайло сам с женою прибыл в Вильну в сопровождении толпы ксёндзов и монахов. В Литве православная вера в это время была значительно распространена в высшем обществе. Но простой народ большею частью держался ещё языческой веры. Ягайло приказал идолов и капища их разрушить, священный огонь погасить, священных змей истребить, рощи вырубить. Идола - поклонники ждали, что гром небесный поразит исполнителей княжеского повеления, но видя, что боги безмолвствуют, усомнилось в их могуществе и стали обращаться в католичество. Новообращённым раздавали красивую обувь, белые кафтаны и другие подарки. Это увеличивало число желающих креститься. Многие крестились по несколько раз. Ревностный Ягайло изъездил всю Литву и везде водворял латинскую веру. Тех, которые не хотели добровольно обращаться, заставляли силою, подвергали телесному наказанию, а иногда в таком количестве, что наказание оканчивалось смертью. Вместе с язычеством католики, поддерживаемые королём, стали преследовать в Литве и православную русскую веру, а вместе с верою и все, что было здесь русского: обычаи, законы, язык. Этого мало. Успешное обращение в латинство язычников—литовцев ободрило Ягайло и католическое духовенство. Они стали распространять свою веру и в русских областях, соединённых с Литвою, но встретили решительный отпор. Преданные вере предков, русские ни за что не хотели менять своей православной веры на латинскую. Поднялся страшный ропот, начались бунты. Этим воспользовался двоюродный брат Ягайло, Витовт, и отделил Литву от Польши. Он провозгласил себя великим князем литовским и царствовал около 40 лет (1392—1430).

Соединение Литвы и юго-западной Руси с Польшей.

После Витова Литва существовала иногда отдельно от Польши, но большею частью в соединении с нею. Так продолжалось более ста лет. Поляки все это время усердно хлопотали слить Литву и юго-западную Русь с Польшей так, чтобы жители этих земель составляли один народ и по вере, и по языку, и по обычаям. Но до половины XVI в. попытки их вообще мало имели успеха. Литовцы и русские постоянно чуждались поляков. Они имели своё войско, свою государственную печать, особую монету; у них были свои отдельные сеймы или съезды, на которые они собирались, чтобы поговорить о делах государственных; они управлялись по своим особым законам; католическая вера в литовско-русском княжестве также плохо распространялась; не говоря о русских областях, в самой Вильне было гораздо больше православных церквей, чем католических, равно также главным языком в Литве был русский; на нём говорили знатные люди, его употребляли в деловых бумагах. Литовцы понимали, к чему приведёт тесный союз их с Польшей. “Поляки,

говорили они, льнут к Литве, как пчелы к цветам, чтобы, высосав мёд, бросить её”. В крайних случаях, когда угрожала какая-нибудь опасность, Литва скорее тянулась к Москве, нежели к Польше. С половины XVI в. дела принимают другой оборот. В это время в Польше и в Литве царствовал, один король — Сигизмунд II Август, потомок Ягайло. Но он был уже стар и слаб, а детей не имел, и с ним должен был прекратиться дом Ягайло. Это сильно беспокоило поляков. До сих пор Литва ещё держалась Польши, потому что у них был один царствующий дом, происходивший из Литвы. С прекращением этого дома полякам стала грозить опасность отделения от них Литвы и юго-западной Руси. Тогда они стали усиленно хлопотать о том, чтобы закрепить соединение Литвы с Польшей письменным договором. Сигизмунд был король слабый. Он всему верил и все делал, что говорили ему окружающие его польские паны и духовные лица. Когда хитрые поляки стали представлять ему, что Литва пропадёт, если совсем не соединится с Польшей, он вообразил, что действительно будет так, и сам начал хлопотать о соединении. В 1569 г. в Люблин приглашены были депутаты от Польши и от Литовско-русской земли. Им предложили было составить договор. Ненависть литовцев и русских к полякам была так велика, что они не хотели сидеть с ними в одной комнате. Король сам переходил от одних к другим и улаживал дело. Положено было, что оба государства соединятся на равных правах, что каждый может соблюдать свою веру, селиться и служить, где хочет; притеснений никому и ни в чем не будет. Но при этом, однако, поляки настояли на том, чтобы земли: киевская, волынская и подольская были отделены от Литвы и присоединены к Польше. Депутаты литовцы и русские вообще ничему не верили, что говорилось в договоре, и когда дело дошло до подписи его, то они бросились королю в ноги и на колени умоляли, чтобы он не дал их в обиду полякам. Сигизмунд, смотревший на все глазами поляков, заставил их подписать договор, грозя в противном случае лишить их имущества и пустить, по миру. Так Литва и юго-западная Русь вошли в состав Польши. И Киев — древняя столица Руси — сделался польским городом. Чего боялись литовцы и русские, то и случилось. Поляки стали теперь забирать земли и занимать разные должности в Литве и на Руси. При этом они начали угнетать крестьян, гнать русскую веру и все русское. Преследования продолжались до тех пор, пока не окрепла северо-восточная Русь под властью московских царей и, не вступилась за своих западных братьев.

